

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**П.П. Марченя,
С.Ю. Разин**

Судьбы крестьянства в ХХ веке:
По итогам второго заседания
теоретического семинара
«Крестьянский вопрос в
отечественной и мировой истории»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sudby_kr.pdf

Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях
(Ст.1274 ГК РФ)

URL:<http://www.civisbook.ru>

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА В XX ВЕКЕ:

По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

20 декабря 2011 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) состоялось второе заседание постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Организаторами это семинара являются Центр аграрных исследований РАНХиГС и научный проект «Народ и власть: история России и ее фальсификации» (материалы первого заседания, состоявшегося 27 апреля 2011 г., уже публиковались¹). Заседание было посвящено обсуждению доклада патриарха отечественного крестьяноведения – доктора исторических наук, заведующего сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН А.В. Гордона «Судьбы крестьянства в XX в.: цивилизационный аспект».

В ходе обсуждения состоялась оживленная дискуссия. Кроме самого докладчика, в ней приняли участие (в алфавитном порядке):

кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Вестник архивиста» И.А. Анфертьев; доктор политических наук, профессор Московского государственного педагогического университета Н.В. Асонов; доктор исторических наук, профессор РАНХиГС В.В. Бабашкин; доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета В.А. Бондарев; доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета С.А. Есиков; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им В.Г. Белинского В.В. Кондрашин; кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского (Приволжского) Федерального университета Д.И. Люшкин; кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ П.П. Марченя; доктор философских наук, главный научный сотрудник Института российской истории, профессор Высшей школы экономики А.Н. Медушевский; доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН Т.Г. Нефедова; кандидат экономических наук, директор ЦАИ РАНХиГС А.М. Никулин; доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий С.Ю. Разин; доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Л. Роголина; доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета А.П. Скорик.

Мы предлагаем Вашему вниманию материалы этого заседания.

А.М. Никулин: Уважаемые коллеги, я рад приветствовать Вас на втором заседании постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», организованного совместными усилиями ЦАИ РАНХиГС и научного проекта «Народ и Власть: история России и ее фальсификации». Напомню, что наш семинар является продолжателем традиций знаменитого семинара «Современные концепции аграрного развития». Сегодня мы будем слушать и обсуждать доклад человека, который вместе с Т. Шаниным и В.П. Даниловым стоял у истоков этого семинара, патриарха отечественного крестьяноведения А.В. Гордона.

А.В. Гордон [далее – А.Г.]: Крестьянский вопрос – вопрос, который не может быть решен окончательно, да и универсального решения у него нет и быть не может. Возможны только решения, которые подходят применительно к данной ситуации и данному типу крестьянства. Даже когда крестьянство «растворяется» как социальная общность, сохраняется его «наследство» в виде проблем сельского населения, городских мигрантов, культурных традиций и национальной идентичности.

Когда мы рассуждаем о судьбах крестьянства во всемирно-историческом масштабе, на первый план выходит цивилизационный аспект, переход от аграрной цивилизации к индустриально-рыночной цивилизации. Какова роль крестьянства в этом процессе? Еще в XIX в. сложилось мнение, согласно которому крестьянство является объектом этого процесса. Причем не просто объектом, а именно анахронизмом, пережитком прошлого, самой логикой истории обреченным на гибель в результате окончательного торжества индустриальной цивилизации во всемирном масштабе. И, более того, обречено не только на непонимание и неприятие модернизации, но и на борьбу с ней, обречено на то, чтобы в целях самосохранения бороться за воспроизводство архаики, за ретрадиционализацию общества.

Этого мнения придерживались и марксисты, и либералы. Эта идея являлась важной частью идеологического фундамента, на котором в конце 20-х – начале 30-х гг. строило свою политику в отношении крестьянства руководство ВКП (б). Исходным принципом сформировавшегося в 1960-х годах крестьяноведения был постулат о субъектности крестьянства, о том, что крестьянство не только объект, но и субъект истории.

Между тем трактовка этого постулата среди самих крестьяноведов была различной. Так, автор популярной в 1980-х годах концепции «моральной экономики» Джеймс Скотт, даже не ставил вопроса о роли крестьянства в модернизации. Он считал, что все существование крестьянина обуславливается законами экономики, которая нацелена на выживание, а не на производство прибавочного продукта и, следовательно, не на экономический рост, а на поддержание крестьянского самообеспечения. В сущности, для него крестьянство кончается тогда, когда происходит переход от натурального хозяйства к рыночному хозяйству.

Скотт, по сути дела, повторил то, о чем задолго до него говорили представители нашей отечественной аграрной школы (А.В. Чаянов и др.), которые считали, что рынок – это чуждое крестьянскому хозяйству явление. По мнению Чаянова, основным принципом функционирования крестьянского хозяйства является соблюдение трудопотребительного баланса: крестьянство наращивает трудовые усилия до тех пор, пока не удовлетворены нужды семьи на уровне привычных потребностей.

Кембриджский экономист К. Бремолл не без иронии, но и не без некоторых оснований заметил, что антикрестьянская аграрная политика Сталина и Мао Цзэдуна была основана на чаяновском законе крестьянского хозяйствования. Раз крестьянское хозяйство в силу собственной мотивации не способно на наращивание производства, оно должно быть принуждено к этому налоговым прессом.

Правы ли эти вершители судеб крестьянства в XX веке?

Обратимся к историческому опыту **России, Китая и Франции**. Это три великие крестьянские страны, и в истории этих стран крестьянство сыграло очень важную роль. Закономерно, что в первых обобщающих работах об исторической роли крестьянства (например, в книгах Э. Вольфа) в центре была история русского, китайского и французского крестьянства в XX в.

Итак, **Россия**. Реформа 1861 г. была обусловлена не человеколюбивыми пожеланиями, а прагматическими интересами государства и правящей элиты. Притом что вопрос давно назрел и стоял остро уже при Екатерине II, лишь поражение в Крымской войне заставило государственную власть решиться на ликвидацию крепостного права и позволило преодолеть сопротивление помещичьего класса.

Положив начало общей модернизации русского общества, реформа способствовала превращению крестьянства в реальную силу прогресса. Хочу сказать, что эффект от этой реформы отнюдь не был моментальным. Ее положительные последствия проявились лишь в 80–90 гг. XIX в., когда Россия сдвинулась с классического продовольственного минимума сам-третьей и вышла на уровень сам-пять. Это был уровень урожайности, позволявший крестьянину получить не только необходимый, но и прибавочный продукт, который можно было реализовывать на рынке. Это был тот уровень продуктивности, при котором крестьянское хозяйство превращается из натурального в рыночное.

Закономерным продолжением курса Александра II стала так называемая столыпинская аграрная реформа. Почему «так называемая»? Потому что ее теоретической основой стали идеи, которые высказывались задолго до П.А. Столыпина – Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и некоторыми другими государственными деятелями и учеными. Так же, как реформа 1861 г., она была выношена, и так же, как в 1861 г., носила вынужденный характер. На сей раз вынуждающим фактором стали очередное военное поражение и революция 1905 г. Не будем умалять роли Столыпина, как человек решительный и мужественный, он взвалил весь груз ответственности за проведение реформы на себя.

Сегодня часто говорят, что надо было раньше начинать проведение реформы. На мой взгляд, и по объективным, и по субъективным причинам, это было невозможно. К объективным причинам, прежде всего, относится постепенность в формировании того слоя, который был способен хозяйствовать свободно, без помещичьей опеки. А к субъективным причинам относится то, что только во время революции правящий класс почувствовал, что ему необходима новая опора в деревне взамен общины, вовлеченной в крестьянскую войну. Тем не менее, в ходе проведения реформы Столыпину пришлось преодолевать сопротивление придворной камарильи и помещичьего блока. В этом контексте смерть реформатора была далеко не случайной. Запутавшись в собственных противоречиях, верховная власть дала революционерам его убить.

Были ли у детища Столыпина перспективы? Полагаю, да. Бесспорно, реформа шла очень тяжело, наталкиваясь на сопротивление в крестьянской среде, которое подавлялось, зачастую, «административным ресурсом». Однако не следует думать, что опорой Столыпина были лишь «хуторяне», «кулаки». В процесс хозяйственной модернизации включились более широкие слои деревни, а порой и община в целом. Впечатляющие успехи сельской кооперации, включая взаимное кредитование – тому бесспорное свидетельство.

Напомню только одно высказывание В.И. Ленина – о том, что если бы столыпинская реформа удалась, то аграрная программа социал-демократов оказалась никому не нужной бумажкой. А что такое аграрная программа социал-демократической партии? Это, в сущности, то, что позволило большевикам совершить революцию и возглавить ее.

В чем состояла опасность проводимой Столыпиным реформы для революционеров? В том, что Столыпин пытался сделать крестьянство в лице его товаропроизводящей части активным субъектом общественных процессов в России. Решив продовольственный вопрос, реформа могла бы облегчить и земельное «утеснение» на путях хозяйственной интенсификации и переселения из наиболее перенаселенных районов.

Еще одной важной вехой в истории русского крестьянства был НЭП. По моему глубокому убеждению, НЭП был обречен изначально. Обречен потому, что сами творцы НЭПа рассматривали его как ситуационную необходимость, как нечто вынужденное и временное. Будущий отказ от него был запрограммирован. Тогда когда НЭП сделал свое дело возрождения сельского хозяйства и восстановления продовольственного снабжения, НЭП в силу идеологии правящей партии неминуемо должен был уйти. Именно в силу этой идеологии рынок, по сути дела, был сведен к базару. Ни рынок, ни товарно-денежные отношения в полном объеме не были восстановлены. Простора для становления товаропроизводителя не было. Все это имело самые серьезные последствия. В частности, это помешало развитию производства сельскохозяйственной техники и минеральных удобрений. Госвласть, сохранившая в своих руках индустрию, не смогла дать на рынок нужные крестьянам товары, а крестьяне не верили деньгам, не обеспеченным товарами. Рынок был блокирован. Получилось так, что крестьянство изначально пошло по пути «натурального накопления», оно копило хлеб, сколько могло. Но за натуральным накоплением, естественно, пошло свертывание производства. Стагнация затянулась на 6 лет (1922–28 гг.).

Были и другие факторы, препятствовавшие развитию товарного хозяйства в деревне. Я говорю, в частности, об идеологических ограничениях, которые превращались в ограничения политические и правовые. Налоги на зажиточное крестьянство – т.е. на тот слой, который действительно мог обеспечить серьезный прирост сельского хозяйства – доходили до экспроприационных масштабов. Этот слой буквально выдавливали налогами из производства.

Таким образом, «Великий перелом» 1929 г. был неизбежным следствием того тупика, в который было ввергнуто сельское хозяйство страны, а тупик стал следствием *политики* планомерного подавления товаропроизводителя. Еще раз повторюсь: *крах НЭПа идеологически был запрограммирован изначально.*

Восторжествовал курс социалистической модернизации. А он, как ни парадоксально, привел к ретрадиционализации деревни. Были воссозданы в

модернизированном (здесь термин «модернизация» уместен) виде дореформенные порядки российской деревни с ее общинной уравнительностью, обезличенностью барщинного труда, диктатом личной власти. Лишение крестьян паспортов, «поражение в правах», говоря языком эпохи, явилось впечатляющим символом новой формы несвободы. Парадоксальным сделалось сочетание объективных предпосылок модернизации в виде постепенной механизации, химизации, рационализации производственной базы при подавлении внутренних, субъективных факторов в виде модернизационной мотивации самого производителя.

Все это повторилось и в **Китае**, в маоистской модели социалистической модернизации, которую ждал тот же провал. Притом, что политические предпосылки для успеха у КПК были значительно лучше, ведь КПК – в отличие РСДРП–РКП (б)–ВКП (б)–КПСС – формировалась в деревне. Деревня для нее была естественной средой. КПК была частью многомиллионного крестьянского Китая. Именно так она воспринималась самими китайскими крестьянами, в ходе антияпонской войны, а затем антигоминьдановской войны. КПК сделалась выразителем китаецентризма, который был характерной чертой массового сознания китайского крестьянства.

После прихода КПК к власти была осуществлена земельная реформа, суть которой (как и в СССР) сводилась к тому, что крестьянство было лишено права частной собственности на землю. Притом был проведен своеобразный «черный передел», который, правда, в отличие от российского, не был стихийным процессом. А смысл был тот же – экспроприация крупного землевладения. Масштабы последнего в Китае были значительно меньше, так что экспроприация ударила здесь по зажиточным хозяйствам «кулацкого» типа. Поскольку был затронут многомиллионный слой, который, в отличие от российских помещиков, не мог бежать, борьба шла не жизни, а на смерть, с большими человеческими жертвами.

Так, на практике был обеспечен союз крестьянской массы с КПК, за который крестьянство вскоре поплатилось форсированной коллективизацией

(фактически, она начиналась в ходе и, так сказать, на гребне земельной реформы). Причем она была доведена до коммунизации потребления, а также было полностью уничтожено семейное хозяйство. Китайская деревня была превращена в одну большую коммуны, во славу идей то ли утопического, то ли научного коммунизма.

Следующим этапом в истории КНР стала политика «большого скачка» 1958–61 гг., в рамках которой, в частности, была поставлена задача в кратчайший срок догнать Англию по выплавке чугуна и стали. Результатом такой политики стало колоссальное перенапряжение крестьянства, которое отвлекалось на ирригацию и на кустарное металлопроизводство. Да еще должно было кормить людей, приезжавших из городов для строительства домен. Крестьянство не выдержало. Начался великий голод. Этот голод (как и у нас в начале 30-х гг.) явился следствием той политики, что проводилась руководством – политики форсированной модернизации

Сыграли ли свою роль неблагоприятные природные условия? Несомненно, но не главную. Традиционный массовый голод был локализованным явлением. Последний такой голод – в конце XIX в. (в результате которого погибло 5–6 млн человек) – ограничивался несколькими провинциями на северо-востоке Китая. А голод «большого скачка» охватил всю страну. Причем, как и у нас в свое время, больше всего пострадали не потребительские провинции, а производящие, больше всего Сычуань, главная житница страны. Что касается количества жертв, то подсчеты разнятся от 18 до 35 млн, непосредственно голодной смертью умерло, как обычно считают, 22 млн крестьян.

Следующий этап – «культурная революция». Она была в какой-то степени, подобно «большому террору» в СССР, реваншем крестьянства. Те, кто проводил и вдохновлял коллективизацию (партийные кадры, городская интеллигенция), оказались в деревне «на перевоспитании» у крестьян.

В 1978 г. началась деколлективизация китайской деревни. Это было по-настоящему уникальное явление. Началась она совершенно спонтанно.

Приехал в провинцию Аньхой новый партийный начальник и увидел, что этой бедной провинции грозит голод. Многие представители постмаоистского поколения китайских руководителей хорошо усвоили, что голод – это не шутка. Глава провинции попросил у центральных властей разрешение в порядке эксперимента перейти на подворный принцип ведения хозяйства. Эксперимент удался – и к 1983 г. коммуны рухнули. Конечно, главным было давление снизу. Но власть восприняла это давление, презрев идеологические препоны. КПК поддержала движение крестьян и нашла для него организационные рамки.

Деколлективизация уже на первых порах ознаменовалась подъемом материального положения крестьянства. А это вызвало массовый энтузиазм, способствовавший успеху. И крестьянству удалось не только решить проблему сельского голода, но и поднять всю страну в целом. Как это произошло? Дело в том, что у крестьянства – благодаря тому, что ему не нужно было отрабатывать эту самую коллективную барщину – освободилось значительное количество рабочих рук и рабочего времени. Это рабочее время крестьянство потратило не на производство пшеницы или риса (облагаемых госпоставками), а на птицеводство и особенно овощеводство. Спрос на овощи и мясо в городе, сидевшем на карточках, был очень значителен, они шли по высокой цене и быстро раскупались. Крестьяне смогли заработать первичный капитал, стать товаропроизводителями. И приобретало на рынке крестьянство в первую очередь минеральные удобрения, чтобы наращивать производство.

Парадоксальная вещь: маоистское руководство (подобно советскому) создало условия для «зеленой революции», проведя широкомасштабные ирригационные работы и построив заводы по производству минеральных удобрений, а также средств защиты растений. Все это сработало в Индии, Индонезии, других странах Азии, где не было коммун, но был рынок. В постмаоистском же Китае подъем начался с использования минимума агротехнических возможностей, но с рынком. Однако китайское аграрное «чудо» оказалось непродолжительным.

До конца 80-х гг. сельскохозяйственное производство росло, росли и доходы крестьянства. Затем наступила стагнация. Перспектив дальнейшего роста на базе традиционного семейного хозяйства с наделом менее полгектара немного, а позволить аккумуляцию земли власти не спешат, опасаясь обострения социальных антагонизмов. Да и размеры сельхозземель неуклонно сокращаются (за годы реформ на 10%).

Хотя в последние годы (с приходом к власти четвертого поколения руководителей КПК) предпринимаются меры по улучшению материального положения крестьян (налоговые послабления, региональные субсидии), производственная стагнация продолжается. Иригация в большинстве регионов не ведется, мелиорация на низком уровне, техническая база слабая. Интенсификация нередко замыкается на химии (удобрения, гербициды, пестициды), а это подрывает экологию, ведет к деградации природной среды и самих условий хозяйствования.

Но все-таки эффект крестьянского вклада в чудо китайской модернизации и подъем страны огромен. В сущности, интенсификация семейного хозяйствования создала основу китайского индустриального рывка – капиталом, дешевым продовольствием, дешевой рабочей силой, высвободившейся в сельском хозяйстве и нашедшей себе применение в промышленности и строительстве, обеспечив своей непритязательностью и крестьянской выносливостью первоначальное накопление.

Могла ли при НЭПе осуществиться китайская модель постмаоистской модернизации? Отличие китайского крестьянства от русского крестьянства состояло в том, что оно исторически было более коммерциализовано и трудоинтенсивно. Товарно-денежные отношения существовали в Китае еще в эпоху династии Сун (X–XIII вв.). Уже тогда, например, китайские крестьяне в обмен на продукцию шелководства получало минеральные удобрения, которые позволяли повысить урожайность. Однако затем наступило «сжатие» рынка. Между тем пореформенная Россия тоже добилось немало в интенсификации-коммерциализации крестьянского хозяйствования.

Быть может, более важна интеллектуальная культура предреволюционной России – с ее неприятием товарно-денежных отношений, культом общины и общинного эгалитаризма. Соответствующий настрой выразился далеко не только в «русском марксизме», но и в широкой «беспартийной» среде, породив небезызвестный «аграрный романтизм».

Наконец, третий и решающий, очевидно, фактор. В отличие от постмаоистского Китая, провозгласившего свою «открытость», Советский Союз делал ставку на конфронтацию с мировым окружением – и далеко не только в годы увлечения мировой революцией. Напротив, изоляция СССР резко усилилась после «великого перелома», превратившись в целенаправленную политику сталинского руководства.

Теперь обратимся к **Франции**. Мне приходилось бывать во французской деревне. И у меня французские фермеры интересовались: а что у вас в России с сельским хозяйством? Очень многое им казалось странным. Как же, – говорят, – у вас такое зерноводство, такие урожаи. Вы же можете завалить Францию дешевым зерном. А почему с животноводством не получается? Я им отвечаю, что, дескать, с переработкой плохо, кормовая база отсталая т.д. Но они меня все равно не понимали. Я делаю новый заход и говорю им: у нас довольно сложная, сохранившаяся от советских времен, структура сельского хозяйства. С одной стороны существует крупное землевладение, в виде крупных хозяйств, а с другой стороны, личные хозяйства крестьян, находящиеся от них в сильной зависимости. На что они мне сказали: «Феодализм!». Потом я нашел точно такой же вывод у Ленина, который в одной из своих работ анализировал аграрное развитие Франции в конце XIX в. Для меня то, что Ленин традиционализировал французскую деревню, показалось невероятным. Но в данном случае, я думаю, он не ошибался.

Т.Г. Нефедова: В том, что Вы сейчас сказали, нет ничего удивительного. Ленин, как и вся русская радикальная революционная интеллигенция, преувеличивал степень развития капитализма в России и преуменьшал степень развития капитализма на Западе. Можно сказать, что он искусственно

капитализировал Россию и традиционализировал Запад. Таким образом, искусственно сокращалась историческая дистанция между Россией и Западом.

А.Г.: Похоже, что дистанция эта в аграрной сфере была не столь уж велика. Несмотря на мощнейшую крестьянскую революцию конца XVIII в., покончившую со всякими видами внеэкономического принуждения и всеми феодальными повинностями, уничтожившую дворянские замки вместе с владельческими документами сеньоров, квазифеодальная структура аграрных отношений при сохранении связки крупного землевладения – мелкого производства была воссоздана. И притом, что Франция уже в XVIII в. была страной развитых товарно-денежных отношений, и крестьянство получило права собственности на землю, а отчасти и саму землю, XIX и начало XX вв. стали для французской деревни временем стагнации. Получается, что ни рынок, ни земельная собственность не являются панацеей, если нет воли крестьянства к модернизации.

Для аграрной модернизации потребовалась новая революция. По справедливости те преобразования, что произошли в конце 50–60 гг. XX в., назвали «второй французской революцией». Произошло резкое сокращение численности крестьянства. Если до этого в деревне проживало 10 млн человек, и эти 10 млн работали как сельхозпроизводители, то после этих событий осталось 2 млн. Но при этом валовое производство сельскохозяйственной продукции увеличилось в 2 раза. Т.е., один фермер стал работать за десятерых.

Почему этот процесс можно назвать «революцией», т.е. массовым социальным движением, и какую роль сыграло само крестьянство в аграрной модернизации?

Самый впечатляющий пример – это Бретань, один из беднейших регионов с бедными почвами и максимальным давлением на землю в силу аграрной перенаселенности. И именно здесь подспудная человеческая энергетика коренным образом изменила жизнь. Бретонские крестьяне оказались в авангарде аграрного движения, которое зачиналось при участии

традиционных институтов, прежде всего Церкви. Религиозный консерватизм населения не помешал проявлению новаторского духа, и в этом последнем Бретань оказалась ничуть не хуже Фландрии, прославившейся своим прогрессизмом еще в позапрошлом веке. Почин положила крестьянская молодежь, создавшая в далекие 20-е гг. XX в. организацию «Католическая молодежь сельских производителей». После войны, в годы общеэкономического подъема, эта организация способствовала переориентации сельскохозяйственных профсоюзов Франции на производственные вопросы (профессиональное обучение, механизация, коммерциализация, внедрение новой агротехники).

При поддержке правительства Пятой республики это движение привело к радикальной модернизации аграрной сферы всей страны. «И на граните, в принципе бесплодном» – сформировалось сельское хозяйство, ставшее «в ряду самых развитых в республике» – констатируют достижения крестьян Бретани историки. А это не могло не привести к изменению жизни населения. «Повышение уровня жизни», «всеобщее приобщение к культуре», «постепенное изменение к лучшему» даже у неимущих семей. «Стратегия выживания» уступает в определенной мере место «стратегии комфорта».

По личным впечатлениям 1999–2002 гг., современный уровень сельского хозяйства Бретани все же значительно отстает от более развитых аграрных центров. И если говорить о стратегии, то это, в первую очередь, трудоинтенсивность, за которой воля крестьян к достижению этого самого «комфорта».

Соединение усилий «снизу» при поддержке «сверху» – наиболее эффективный вариант аграрной модернизации. Это убедительно доказывают и опыт «второй революции» во Франции, и опыт «деколлективизации» Китая.

И вот еще наблюдение. При всем региональном многообразии, обусловленном природными условиями и историческими обстоятельствами, не существует преград, чтобы крестьяне не могли стать на путь прогресса.

Во Франции одни районы (Пикардия, Фландрия, большая часть Нормандии) еще до Революции XVIII в. создали интенсивное, коммерциализованное и производительное хозяйство. Другие преобразились уже сейчас, в ходе «второй французской революции», и притом резко различаются по самому типу хозяйствующего субъекта. В когда-то называвшейся «бесплодной» Шампани, в долине Марны наблюдал картину: у фермера 3 трактора, поле площадью в 100 га, на котором он выращивает пшеницу и люцерн, и ферма около 50 коров. Главный доход от пшеницы. Урожай – 66 ц. с 1 га. Надои молока – 9 900 л. за год.

В Бретани скорее не фермерство, а крестьянство в привычном для нас с вами понимании. Урожайность пшеницы и надои молока в Шампани вдвое превышают показатели семейных ферм района Ренна. Встречался и один трактор на две фермы. В Бретани сохраняется описанное еще классиками XIX в. пастбищное скотоводство, в Шампани – стойловое содержание, «выгородки» в одном случае, «открытые поля» – в другом. И, тем не менее, Бретань занимает 1–2 места в стране по продукции животноводства.

В Бретани хутора, в Шампани сохранились деревни. Но что из себя представляют эти деревни? На всю деревню – 12 фермеров. В остальных домах живут пенсионеры-дачники. Понятно, что настоящими сельхозпроизводителями являются упомянутые выше фермеры. Глядя на них, можно сказать, что действительно произошла профессионализация сельхозпроизводителя. Это люди, владеющие всеми видами техники, компьютеризованные, находятся в курсе рыночных цен и событий в мире и притом душой болеют за хозяйство, за землю. А, в общем, являют, прямо по Редфилду, крестьянский тип человеческой личности – человека на земле.

Что касается коллективного образа жизни, в современной Франции деревню в историческом смысле обычно заменяют *бурги* – небольшие городки. В них кафе, парикмахерская, школа, церковь – все подобного рода учреждения являются центрами общения, в котором сельские жители очень заинтересованы. Был в Бретани на юбилее местной библиотеки, который

превратился в смотр достижений от детского творчества до изготовления сидра. Съехалась вся округа. Так что подобные учреждения выполняют важную социальную функцию.

Т.Г. Нефедова: Вы как-то сказали, что сейчас в России крестьянство – это те люди, которые в деревне выживают. Я вас правильно поняла?

А.Г.: С кем бы вы ни поговорили, хоть с алкоголиком, который грядку картошки сажает, хоть с «отходником», который работает в городе, но при этом ведет свое хозяйство, хоть с фермером, который ведет довольно успешное хозяйство, хоть с председателем бывшего колхоза – все скажут, что они еле выживают. Что представляет собой современное российское крестьянство и есть ли оно вообще? Кто такие современные российские крестьяне?

Я думаю, что изменения, произошедшие по сравнению с советским периодом, в деревне не столь значительны, как иногда кажется. С одной стороны существуют крупные хозяйства, а с другой – существует находящаяся в вассальной зависимости от этих крупных хозяйств основная масса крестьян, являющихся мелкими сельхозпроизводителями. Вы говорите про фермеров. А где они, эти фермеры? За исключением некоторых областей, их почти не видно на рынке, да и текучесть в этой прослойке слишком велика.

Увы, дуализм крупных хозяйств и зависимых от них крестьян – вот что сегодня характерно для нашей деревни. В агрохолдинги, которые сейчас активно внедряются, я не верю. Мне кажется, что, в данном случае, людьми движет не производственная цель, а стремление выгодно вложить деньги в землю. Это говорит лишний раз о том, что мы никаких уроков из собственной истории не извлекаем. Ведь в принципе, что погубило сельское хозяйство в брежневское время? Тогда ведь в него тоже брошены были колоссальные деньги. Но на что это пошло: на строительство агрогородов, на строительство многотысячных ферм, которые, в сущности, угробили животноводство. Пока животноводство было привязано к местным условиям, оно давало возможность местному населению поддерживать свое существование на нормальном уровне.

А в результате строительства 10-тысячных ферм были загублены пастбища и экология.

Т.Г. Нефедова: Но тогда не было рынка, рыночных структур. Государственные структуры, действовавшие в брежневскую эпоху, не учитывали никаких условий. А, вот современные агрохолдинги – это рыночные структуры, которые занимаются и будут заниматься только тем, что им выгодно. Выгодно им растениеводство – они им и занимаются.

А.Г.: В тот период, когда министром сельского хозяйства был А.В. Гордеев, была сделана ставка на крупные хозяйства, которые получали всякие льготы и преференции. Но когда я услышал от руководителя одного из таких хозяйств рассказ о том, что он расставил камеры наблюдения на всей территории своего хозяйства, то мне стало ясно, что это не тот путь.

Если обобщать, то не так все плохо. Все-таки в деревне сохраняются элементы хозяйственной и трудовой этики. А это значит, что крестьянство живо. Это значит, что крестьянская натура – вот эта производительная культура – она не умирает.

С.Ю. Разин: На мой взгляд, достичь подлинного понимания истории российского крестьянства без учета ее геополитического контекста нельзя. Обратимся к реформе Столыпина. Одна из главных задач, которую должна была решить эта реформа, состояла в получении с крестьянства денег для проведения модернизации армии и флота. Эту задачу решить не удалось. В результате модернизацию армии и флота мы к началу Первой мировой войны провести не успели, что стало одной из главных причин поражения России в этой войне. Аналогичная ситуация сложилась в 20-е гг. Версальско-Вашингтонская система, закрепившая итоги Первой мировой войны, не устраивала ни правящие круги стран-победительниц, ни, тем более, правящие круги побежденных стран. Все понимали, что вопрос лишь в том, когда и где начнется Вторая мировая война. У большевистского руководства перед глазами был печальный для России опыт Первой мировой. Перед ним стоял вопрос о необходимости проведения нового этапа индустриализации страны. Без этого

СССР–России в новой мировой схватке делать было нечего. Для этого нужны были деньги. Где их взять? На Западе, в силу разных причин, никто кроме американцев, сотрудничать с нами не хотел. Да и американцы в основном поставляли технологии, за которые опять же нужно было платить. Не кажется ли Вам, что в конце 20-х – начале 30-х гг. никакой реальной альтернативы курсу на форсированную индустриализацию и коллективизацию просто не было?

А.Г.: Геополитические замыслы могут реализоваться по-разному. В Ваших рассуждениях, по-моему, и обозначена альтернатива – столыпинщина или сталинщина. Правильно я Вас понял?

С.Ю. Разин: Я говорил о том, что у большевистского руководства был перед глазами неудачный опыт столыпинской реформы и Первой мировой войны.

А.Г.: Столыпину дано было 5 лет, а товарищу Сталину – куда больше 20 лет. Это все-таки две большие разницы, особо существенные, как показал опыт реализации реформы 1861 г., для преобразования деревни.

С.Ю. Разин: Что касается 20 с лишним лет, данных Сталину, то историческая реальность отличается от того, что Вы говорите. И Вы это знаете. А если говорить о просьбе Столыпина о 20 годах покоя, то хочу заметить, что наши либерал-реформаторы западнического толка всегда почему-то хотят совершить своеобразный побег из той исторической среды, в которой они существуют. И хотят действовать в какой-то другой, идеальной, утопической реальности, а не в исторически существующей России. В реальной российской истории 20 лет покоя никогда не было. А в начале XX в. просить об этом было просто нелепо.

А.Г.: Вы говорите, что русская армия потерпела поражение из-за того, что не хватало, так сказать, средств, оружия и т.д. ...

С.Ю. Разин: Я сказал, что Россия потерпела поражение в Первой мировой войне во многом из-за того, что к ее началу не была проведена модернизация армии и флота. Эта ситуация в немалой степени была

обусловлена тем, что изначально правительство пыталось получить деньги для этого у крестьян. Из этого ничего не вышло. Деньги пришлось искать за рубежом и в конечном итоге они были найдены, но драгоценное время было упущено.

А.Г.: Я считаю, что главным фактором поражения русской армии в Первой мировой войне было не отсутствие техники, а отсутствие боевого духа. Имело место колоссальное разложение армии. Разложение армии шло из-за того, что у нее был непрочный тыл и, в том числе, неудовлетворенное своим положением крестьянство.

А теперь давайте обратимся к 1941 г. – тогда мы потеряли все то, что дала нам сталинская модернизация. Я уж не говорю про то, что мы так и не смогли к началу войны преодолеть своего отставания в организации военной промышленности.

А.М. Никулин: Уважаемые коллеги, я напомним, что у нас семинар по крестьяноведению, а не по милитаристоведению. При слове геополитика я всегда слышу слово «милитаризм». В рамках такого подхода крестьянство – это не субъект и не объект истории, а пушечное мясо национального милитаризма. И вопрос о том, чья политика была эффективнее – милитариста Столыпина или милитариста Сталина, и какое живодерство более эффективно с точки зрения наращивания сверхмускулов отечественного милитаризма – давайте как-нибудь отдельно обсудим.

С.Ю. Разин: Я же не об этом вопрос поставил.

А.М. Никулин: А я слышу, что вот именно об этом.

С.Ю. Разин: Я спросил, существовала в конце 20-х – начале 30-х гг. или нет реальная альтернатива курсу на ускоренную коллективизацию и индустриализацию.

А.Г.: Альтернатива есть всегда.

С.Ю. Разин: Какая в данном случае была альтернатива?

А.Г.: Именно крестьянское хозяйствование. Почему нет? Эта альтернатива просто была отброшена. Я же говорил, что крах НЭПа был

неизбежностью, так как его главная цель состояла не в подъеме экономики и сельского хозяйства в частности, а в укреплении политической власти большевиков. Как только эта цель была достигнута – НЭП стал не нужен.

Для меня колхозы – это, прежде всего, институт управления сельским населением. Для великого аграрника т. Сталина крестьянство было последним враждебным классом, который нужно было покорять и сдерживать. И колхозы здесь показали замечательным средством, которое позволило бы удовлетворить геополитические инстинкты т. Сталина и идеологические амбиции большевиков.

Бондарев В.А.: Полагаю, следует обратить внимание присутствующих на прозвучавшее определение колхозов как, в первую очередь, механизмов управления сельским населением и контроля за деятельностью земледельцев. Я бы, пожалуй, не стал столь же категорично трактовать коллективные хозяйства, даже если говорить о них применительно к 1930-м гг., когда сформированные в массовом порядке сельхозартели и сохранявшиеся еще коммуны оказались жестко встроены в административно-командную систему. Ведь, для большевистского руководства не менее важной представлялась и роль колхозов как крупных сельхозпредприятий, способных обеспечить потребности страны в продовольствии и сырье (правда, первоначально главный стратег «великого перелома» говорил о колхозах как о «сдатчиках», а не «производителях» сельхозпродукции: иными словами, сначала большевики слабо задумывались о модернизации земледелия, измышляя лишь организационные формы, оптимальные для выкачивания хлеба из деревни). Однако вышесказанное никоим образом не умаляет роли колхозов как средств контроля за сельским населением.

Здесь я хотел бы подчеркнуть, что отмеченная роль коллективных хозяйств выступила в качестве фактора, существенным образом затруднявшего развитие аграрного сектора и, отчасти, ответственного за кризисное его состояние в позднесоветский и постсоветский периоды. Система управления коллективизированной деревней была глубоко чужда идеям крестьянского

самоуправления, в связи с чем так называемая «колхозная демократия» представляла собой не более чем декларацию. Фактически, непосредственное руководство колхозами осуществляли их председатели, починявшиеся районному руководству и обязанные беспрекословно выполнять все распоряжения властей (о чем недвусмысленно говорилось в «Примерном уставе сельхозартели 1935 г.». Колхозники, отчужденные от реального управления коллективными хозяйствами и от произведенного ими продукта, утратили стимул к труду, что в рамках всего аграрного сектора означало замедленность развития такового.

Коллективизация не только пресекла возможность эволюционного развития крестьянских хозяйств по пути фермеризации и кооперирования (ибо первое отнюдь не противоречит второму) в конце 1920-х гг. Система управления деревней, созданная в ходе коллективизации, характеризующаяся подавлением личности непосредственного производителя, бюрократизацией, глубокой враждебностью к индивидуальному производителю, в определенной мере жива и поныне. Сохраняется и волюнтаристски-командный стиль мышления, с позиции которого безусловными фаворитами выступают крупные сельхозпредприятия, а фермерские и крестьянские хозяйства выглядят аутсайдерами, а то и вовсе социальными лузерами. Все это, вкупе с безразличием нынешних властей к нуждам села и зашкаливающим уровнем коррупции, не позволяет активным слоям сельского населения в полной мере реализовать собственную инициативу и, в конечном счете, затягивает пребывание постсоветского сельского хозяйства в кризисном состоянии.

А.П. Скорик: Хотел бы высказаться в поддержку тезиса об изначальной бесперспективности НЭПа, обусловленной идеолого-политическими мотивами. От благостной сельской пасторали в этом случае давно пора отказаться. Соответственно, не было тогда перспектив и развитию крестьянских хозяйств, равно как и фермеризации доколхозной советской деревни. Обширный комплекс известных ныне документов и материалов позволяет с полной уверенностью утверждать, что в сознании большевистского руководства

фигурировала картина деревни, в которой собственно экономические элементы были причудливо детерминированы идеологическими догмами. С позиций коммунистической идеологии, крестьянин-собственник и уж, тем более, зажиточный аграрий, являли собой не столько производителя материальных благ (какими они и являются с позиций экономики), а реальную угрозу советской власти и большевистскому режиму.

Думаю, отчасти такие представления были справедливы, поскольку доктрина большевизма была глубоко враждебна крестьянским устремлениям самолично владеть хозяйством и свободно распоряжаться плодами своего труда. Попытки большевиков лишить земледельцев этих прав вызывали законное возмущение последних, свидетельством чего были неоднократно фиксировавшиеся органами ОГПУ случаи настойчивой агитации за «крестьянские союзы» как общественно-политические организации (нечто вроде профсоюзов), способные защитить интересы сельских производителей.

Как бы там ни было, большевики по определению не собирались дать крестьянским хозяйствам шанс на свободное экономическое развитие. Проводившаяся в середине 1920-х гг. политика «лицом к деревне» отнюдь не означала никакой революции в аграрной стратегии компартии: здесь не надо никаких иных доказательств, кроме как указаний на кратковременность осуществления этой прокрестьянской политики. Коллективизация (такая, какой мы ее знаем) была предрешена изначально, поскольку для большевистского режима это был единственно возможный путь социалистического преобразования сельского хозяйства.

Между тем, как мне кажется, потенциал крестьянских хозяйств, а также и эволюционного развития доколхозной советской деревни, далеко еще не оценен. Возможно, в данном случае сказывается мощнейшая инерция советской историографии, с позиций которой все пути развития деревни, кроме колхозного, считались бесперспективными. Известно, однако, что в условиях НЭПа крестьянство не только успешно восстанавливало аграрное производство, но даже сумело превзойти ряд знаковых довоенных (1913 г.)

показателей: если в 1909–13 гг. урожайность в среднем составляла 6,9 ц. с га, то в 1922–27 гг. она достигала 7,5 ц. с га. Разумеется, идеализировать мелкотоварные крестьянские хозяйства нет оснований, однако и сбрасывать со счета их мощный культурно-хозяйственный потенциал вряд ли правильно. Но, в конечном счете, в 1920-х гг. путь преобразований российской деревни все же был предопределен не экономическими, а идеологическими и социально-политическими соображениями.

Н.Л. Рогалина: Содержательный доклад А.В. Гордона дает сильный импульс к продолжению нашего разговора о крестьянстве в эпоху модернизирующих реформ. Действительно, положив начало *общей модернизации русского общества*, Великая реформа 1861 г. способствовала *превращению крестьянства в реальную силу прогресса*. Не вызывает сомнения и авторский вывод о том, что столыпинскую реформу – прямое и закономерное продолжение начинаний Александра II – нельзя было начать ранее как по объективным, так и по субъективным причинам. Во-первых, реформы всегда опаздывают и носят вынужденный характер: ведь правящий класс не хочет подвергать себя испытаниям, избегая непредвиденных последствий. Во-вторых, трансформация сельской экономики должна была явиться органическим процессом общей модернизации. Приведу на этот счет два суждения: К. Мацузато считает, что нельзя объяснить 30-летнюю паузу между двумя великими реформами лишь инерцией правительства и господствующего класса: «Только с окончанием мирового аграрного кризиса и в результате подъема уровня грамотности среди крестьян в силу распространения земских школ и проникновения в среду крестьянства понятия «улучшение хозяйства» впервые для передовых крестьян появилась возможность выйти из общины». А.К. Кофод отмечал, что лишь к началу XX в. создалась благоприятная почва для реформы крестьянского землевладения, новых форм мелкой земельной собственности, необходимой для успешного ведения самостоятельного хозяйства. Не было еще живых примеров самостоятельного мелкого

крестьянского хозяйствования. За создание таких образцов и взялись землеустроительные комиссии.

Юбилейные публикации 2011–12 гг. принесли новые убедительные доказательства эффективности столыпинских преобразований на общероссийском и региональном уровне, а монографии Б.Н. Миронова и М.А. Давыдова содержат солидные статистические расчеты, убеждающие в том, что экономическая модернизация начала XX в. шла быстрыми темпами и сопровождалась повышением благосостояния народных масс.

Согласна я и с принципиальной оценкой НЭПа, данной в докладе. Тезис: *«НЭП был обречен изначально»* прозвучал еще в трудах экономистов-аграрников 1920-х гг., особенно в статьях Б.Д. Бруцкуса. «Архивная революция» эпохи перестройки и последующих лет дала убедительные аргументы «пессимистам». Напомню, что это направление в изучении НЭПа возглавил в свое время В.П. Дмитренко. Сегодня мы подчеркиваем, что НЭП явился первой социалистической реформой во имя сохранения политической власти и восстановления экономики в интересах грядущей индустриализации. Система, основанная на дешевом крестьянском хлебе, должна была зайти в тупик. Искусственно занижаемые цены в сочетании с товарным голодом – это была бомба, взорвавшая хрупкий гражданский мир 1920-х гг. На НЭПовском рынке конкурировали не продавцы – «кулаки», «середняки», а покупатели – государственные кооперативные организации, частные торговцы. Треть крестьянских хозяйств не имела товарного хлеба или покупала его больше, чем продавала, а значит, была заинтересована в низких хлебных ценах (не говоря уже о городском населении). Одно это создавало базу для глубоких социальных конфликтов. Немецкий исследователь Д. Байрау прав, отмечая, что региональные конфликты на продовольственной почве могли играть роль классовых. В этом главное объяснение того, почему экономический и политический нажим на «кулачество», а позже переход к раскулачиванию был поддержан не только люмпенами и выдвигенцами, но и широкими кругами деревенского населения. Именно соединение экономической и политической

власти в лице государства, создавало перманентные кризисы НЭПа. Власти не могли их разрешить, поэтому отказались от рыночных отношений как бесперспективных.

1920-е гг. закончились тем же, с чего начались – масштабным тотальным кризисом: народное хозяйство попало в ловушку, выход из которой состоял или в постепенном и сознательно долгим возвращении к нормальной рыночной системе, формировавшейся в начале века, или в некапиталистической модернизации. Сложившиеся институциональные условия, механизм принятия решений, практика нерационального и затратного хозяйствования закладывали будущие противоречия, накапливая предпосылки для последовательного огосударствления и централизованного планирования первых пятилеток. Нужны было время и терпение, а главное – повседневная кропотливая работа по завершению восстановительных процессов и выращиванию твердых предпосылок для модернизации экономики в виде здорового производственного накопления, нормализации рыночных отношений, приемлемой структуры и уровня цен, налогов и т.д. Однако идеология и политика определяли задачи в области хозяйственного строительства.

Альтернативы сталинской коллективизации исследователи связывают как с сохранением и преобразованием НЭПа, так и с необходимым отказом от него. Они ищут исторический ответ и за пределами коллективизации, и внутри нее. Первый путь поисков имеет в виду кооперирование на базе многоукладной экономики. По мнению В.П. Данилова, «могли развиваться различные сектора – совхозы, колхозы разных типов, интегральные кооперативы, объединения, ассоциации с разной степенью социализации, интеграции частных хозяйств и частной собственности, с привлечением крестьян-частников. И.Е. Зеленин подчеркивал значение «права за крестьянином на альтернативу, в том числе переезд в город (по желанию – и на основе оргнабора), переход на работу в совхоз, ведение единоличного хозяйства, в том числе и хуторского».

Расчеты экономических историков А. Макаревича и М. Харрисона показали, что быстрый рост советской экономики до войны был лишь ее

возвращением к тренду, с которого страна сошла из-за революции. Х. Хантер и Д. Шиммер – авторы книги «Ошибочные основания. Советская экономическая политика. 1928–1940 гг.» предложили модель «КАПРОСТА» (капитального роста в России). Они проанализировали ежегодную динамику 12 базовых отраслей народного хозяйства в изучаемый период на основе статистических материалов и данных наиболее авторитетных российских и зарубежных ученых под углом готовности ко Второй мировой войне. Авторы пришли к выводу, что выбранный путь не оправдан жертвами, состоявшийся экономический рост был потенциально неправильным, коллективизация оказалась ошибочной, и более медленный темп тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше; что правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики. Так, предложив «контрфактическую» модель как картину нереализовавшегося прошлого, авторы показали ошибочность коллективизации как наиболее ущербного и неэффективного способа модернизации.

Второй путь поиска альтернативы связан с осуществлением кооперативных принципов и природных потенций уже созданных колхозов. В.А. Бондарев считает, что в ходе сталинской коллективизации произошла не только ликвидация многоукладности и повсеместная замена индивидуального хозяйства колхозами, но было покончено и с многообразием типов колхозов, что привело к унификации аграрного производства. Соглашаясь с автором, отметим, например, печальную судьбу толстовских коммун. Несомненно, сохранялась альтернатива и тотальному контролю государства за колхозами в форме машинно-тракторных станций. На наш взгляд, возвращение МТС их первоначального кооперативного статуса способствовало бы укреплению хозяйственной самостоятельности коллективов и повышению ответственности колхозников за производственные результаты. Настоящие хозяева нашли бы возможность содержать технику за свой счет.

В сущности, коллективизация стала не контрреформой в отношении НЭПа, а продолжением командной экономики 20-х гг., доведенной до логического конца. Дело в степени последовательного огосударствления сельского хозяйства. Недаром И.В. Сталин видел причину сравнительной легкости и быстроты процесса развития колхозного движения в отсутствии частной собственности на землю. Новое государственное крепостничество в виде неофеодализма сопровождалось усилением архаики и натурализации отношений в аграрной сфере вообще и в области земельных отношений в частности. Советские колхозы явились несущей социально-экономической конструкцией в системе государственного социализма в СССР. В сложившейся «ранговой сословно-корпоративной системе», «иерархии социальных статусов», колхозники (29 млн человек в 1940 г.) вместе с заключенными (3,7 млн человек в 1939 г.) относились к самым низким стратам, чей дешевый труд нещадно эксплуатировался государством. В ходе «социалистического укрупнения» крестьянство практически выступает как побежденная и дискриминированная группа, судьба которой целиком находится в руках государства.

В результате колхозного строительства утвердилась модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производство ради производства» с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов. Этот полурабский труд колхозников мало отличался от рабского труда заключенных. Через данную мобилизационную модель советское общество добилось ограниченных результатов. Землепользование считалось бесплатным, однако реальная цена, заплаченная сельскохозяйственными артелями за пользование землей, была огромна, если учесть постоянный невыгодный обмен с городом и с промышленностью. Недаром в советской повседневности закрепились слова «сдача» и «поставка», а не «продажа» и «покупка», как обязывает логика экономических отношений. Деморализация земледельца, потеря интереса к земле выступала как еще одна форма раскрестьянивания, вызванная коллективизацией.

Очевидно, что быстрый рост несельскохозяйственной сферы шел без согласования с соответствующими изменениями в аграрном производстве. Выжимание ресурсов и их перекачка выступали как самоцель: советская индустриализация не создавала здоровой основы для технологического прогресса в сельском хозяйстве. Модернизация аграрной сферы, осуществленная в 30-х гг., была ускоренной и фрагментарной, а механизация – внешней и частичной. Прав Бондарев, называя коллективизацию не новой моделью сельского хозяйства, а мероприятием, связанным с достижением промежуточных уровней модернизации.

Анализ экономических результатов коллективизации показывает, что они были неудовлетворительны и с точки зрения обслуживания интересов народного хозяйства. При непрерывном росте государственных изъятий увеличения сельскохозяйственного производства не происходило: официальные цифры преувеличивали действительные данные о сборе зерновых на 25–40%. Г.Е. Корнилов подчеркивает, что, несмотря на размах модернизационной кампании, сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливало уровень то 1913 г., то 1928 г., а роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило.

Административный социализм обеспечивал экстенсивное развитие. Сложившийся порядок создавал надежную базу получения необходимого минимума продуктов, сельскохозяйственного сырья и людских ресурсов для продолжения индустриализации, роста городов и содержания армии. Если до Первой мировой войны удельный вес заготовок достигал четверти всего фактического урожая в стране, то в 1940 г. – уже 38%. При этом речь идет не об увеличении продуктивности, а об изменении организационных форм. Данная индустриализация имела результатом хроническое отставание аграрного сектора.

Несомненно, платежный баланс «город–деревня» требует углубленного исследования, введения в научный оборот новых архивных и статистических материалов. Проблема критериев эффективности в нерыночной среде ставит

перед исследователями ряд общих и специальных вопросов. Можно ли искать народнохозяйственное оправдание модернизации в удовлетворении потребностей индустриализации? Насколько важно различать ее количественные показатели и качественные характеристики? Поставлен вопрос о слабости импортозамещающей модели развития. Например, применительно к 1941 г. следует говорить об исключительно плохом состоянии военной техники. Она стала одним из факторов поражения и огромных жертв в первые годы войны.

А.Н. Медушевский: Поставленный в дискуссии вопрос о судьбах крестьянства должен получить однозначный ответ: в Новое время традиционное крестьянство с его глубоким консерватизмом, коллективизмом, утопическими распределительными представлениями становится тормозом развития для общества, вставшего на путь рыночной экономики и частной хозяйственной инициативы, формирования рациональных политических институтов, основанных на защите индивидуальных прав личности и собственности, свободе совести и обмена информации. Однако крестьянство, при его темноте и глухой враждебности к нововведениям (представленной в той или иной степени во всех цивилизациях) не только не способно самостоятельно решить эту проблему, но агрессивно противостоит модернизации, инстинктивно осознавая, что достижение ее целей будет означать крушение его системы ценностей и устойчивой социальной общности.

В современной дискуссии по проблеме представлены следующие позиции: есть авторы, которые следуя народнической историографии, продолжают оплакивать крестьянскую долю, говорить о долге интеллигенции перед «народом», подчеркивать истинные и мнимые добродетели крестьянства (не помешавшие ему в XX в. разрушить очаги европейской цивилизации в ходе ряда спонтанных революций); есть те, кто полагает, что крестьянство как исторический рудимент достойно скорейшего исчезновения, причем цена вопроса для истории не имеет принципиального значения (апологетика сталинской или маоистской модели коллективизации и других форм

насильственного уничтожения крестьянства); наконец, есть те, кто считает, что проблема крестьянства (и связанный с ним т.н. «аграрный вопрос»), безусловно, существует, но может получить вполне рациональное разрешение без масштабных социальных эксцессов, связанных с эскалацией социального насилия и кровопролития – правовыми методами в рамках осмысленной государственной политики.

Исходя из этого, нуждаются в уточнении рамки дискуссии. Во-первых, проблема крестьянства в условиях трансформации Нового и Новейшего времени – значительно шире собственно аграрных отношений и есть проблема выбора всего общества. Во-вторых, крестьянство в традиционном обществе выступает скорее не субъектом, а объектом политики, поскольку даже в случае крестьянских акций прямого действия – восстаний или аграрных революций – их результатами пользуются не крестьяне, а способные манипулировать ими другие слои. В-третьих, направление, цена и технологии модернизации определяются не крестьянством, а государством и властвующей элитой традиционного или революционного типа.

Содержание социального конфликта при переходе от традиционного к индустриальному обществу выражается в противоречии исторически сложившихся формальных (рационально-правовых) отношений собственности и представлений крестьянства о справедливости как торжестве утопической идеи уравнительного распределения земли. Поэтому основной вектор необходимых преобразований – преодоление исторически сложившегося правового дуализма путем распространения на крестьянство общегосударственного гражданского права и укоренения института частной собственности на землю. Эти цели достигались в России начала XX в. в рамках концепции преобразований, которая была призвана завершить логику Великих реформ 1860-х гг., включив в сферу модернизации социальных отношений традиционное крестьянство и ликвидировав основу уравнилительно-распределительной аграрной экономики – сельскую общину. Теоретические основы этой концепции были сформулированы правительством С.Ю. Витте и

блестящей плеядой русских ученых- аграрников, а ее реализацией после Первой русской революции занималось правительство П.А. Столыпина.

Социальный эффект данного типа модернизации мог оказаться различен в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Заявленный масштаб столыпинской программы существенно превышал задачи постреволюционной стабилизации: охватывал не только земельное право, но все сферы общественных отношений – от обеспечения юридического равенства независимо от сословной принадлежности до противодействия экстремизму, а ее главной политической целью становилось поддержание социальной стабильности. Методы проведения реформ носили правовой характер, что исключало использование мобилизационных технологий и масштабного применения насилия последующего (советского) времени, а результативность избранной стратегии, по крайней мере в краткосрочной перспективе (т.е. в период, предшествовавший началу Первой мировой войны 1914 г.), – не вызывала сомнений у русских и иностранных наблюдателей, причем – различной политической ориентации.

Основным аргументом критиков столыпинских реформы всегда выступает та легкость, с которой их результаты были сметены в ходе большевистской революции, означавшей тотальное разрушение правовых основ землепользования (в рамках безвозмездной передачи земли «трудовому крестьянству»), архаизацию социальных отношений (в рамках так называемой «социалистической национализации» земельных ресурсов) и восстановление примитивных внеэкономических форм эксплуатации крестьянства (в рамках колхозной системы). Однако потенциал столыпинской реформы в долгосрочной перспективе становится понятен при сравнении не столько с западноевропейскими странами, как Франция (где революция конца XVIII в. однозначно привела к торжеству частной собственности в аграрном секторе), сколько с развивающимися странами, столкнувшимися в XIX–XX вв. с угрозой аграрного коммунизма. Так, содержание аграрной реформы в Мексике, последовательно осуществлявшейся авторитарным правительством после

революции и принятия Конституции 1917 г. состояло, как и в России, в разрешении исторического конфликта собственности и справедливости – разукрупнении больших владений (асьенд) и передаче земель в пользование крестьян (в форме долгосрочной аренды, а затем собственности крестьянских хозяйств). В целом данная политика позволила последовательно трансформировать аграрные отношения и избежать повторения революционных эксцессов предшествующего времени – наподобие «пугачевщины» и аграрного бандитизма крестьянских армий Вильи и Сапаты.

Ход аграрных реформ в развивающихся странах Латинской Америки (Бразилия, Чили, Мексика и др.), Южной Африки (ЮАР, Зимбабве), Азии (Индии, Японии, Южной Кореи), как и в России, не всегда был гладким и экономически успешным, сталкиваясь, в частности, с проблемой фрагментации крупных землевладений, однако, как и в России периода столыпинских реформ, имел целью рационализацию аграрных отношений и снятие связанных с ними социальных конфликтов путем укрепления собственности на землю или перехода от коллективных форм землевладения к семейным фермам (как было сделано, в частности, в Китае в 1978 г., а позднее во Вьетнаме).

Опыт развивающихся стран XX в. показывает, что устойчивого экономического роста удавалось достичь только при сохранении стабильных правил игры и правовых рычагов управления аграрной экономикой, без чего не возможны инвестиции и развитие рыночной инфраструктуры. Сопоставление аграрных реформ в Советской России и указанных странах, где они шли в целом в рамках столыпинской программы, едва ли оставляет сомнения в том, какая из избранных моделей является экономически более рациональной и социально справедливой, в том числе – для судеб самого крестьянства. Подробнее об этом – в моих статьях «Великая реформа и модернизация России» (Российская история, 2012, № 1), «Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа» (Там же, № 2) и в материалах круглого стола «Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе» (Там же, № 3).

Д.И. Люкшин: В современной аграрной антропологии проблема вопроса является одной из самых существенных и, на мой взгляд, наиболее болезненных. В историческом дискурсе ответов существует огромное количество. Но, как правило, не удается сформулировать вопросов, которые могли бы открыть путь к этим ответам.

Вероятно, что в рамках единого дисциплинарного дискурса тема аграрной политики сталинского периода вообще не может быть раскрыта. Природа аграрных исследований такова, что они априори обречены на междисциплинарность. Междисциплинарность приводит не к появлению нового исследовательского пространства, а к смешению дискурсов. Слабым местом отечественной аграрной антропологии и социологии является совмещение аграрной истории и экономики в несопоставимых параметрах. То видение крестьянства, которое предложил Дж. Скотт, выводит в другую плоскость изучения этой проблемы. Оно позволяет нам перейти от попытки оценить крестьянство с точки зрения его хозяйственной эффективности, социальной значимости и возможности его геополитического использования – к формулировке вопроса о крестьянстве как о культурном явлении. Проблема различения форм аграрного производства и структуры крестьянской повседневности практически не решаема. Еще К.Н. Тарновский подчеркивал, что большинство исследований по данной тематике сходятся в том, что аграрный строй России имеет целый ряд особенностей. И эти особенности никак не сочетались с марксистско-ленинской доктриной. Так вот А.Г. убедительно показал, что на пространстве 500 км от Шампани до Бретани существуют разные крестьянские цивилизации. А сколько их на пространстве огромной России? На мой взгляд, говорить о некоем едином крестьянстве с точки зрения экономики, способов выживания и отношения к прибавочному продукту – не приходится. Единственное что объединяет крестьянство – это крестьянская культура и крестьянское мироощущение. Различия между *крестьянским* и *некрестьянским* – это различия в мировидении.

А.Г.: Какая характеристика является главной в определении крестьянства? Действительно, особенности существуют. Когда я начинал свой путь в крестьяноведении, то в качестве главного, системообразующего для крестьянства фактора рассматривал общину. Тогда мне Л.Б. Алаев, наш крупнейший индолог, который занимался индийской общиной, сказал: «Саша, твоя позиция понятная, но это трудная позиция». Не сразу, но через какое-то время я понял, почему он так сказал.

Как мы представляем себе русскую общину? Прежде всего, как хозяйственно-правовой организм. В этом смысле она, действительно, выглядит уникально русским явлением. Скажем, китайская деревня не знала ранее земельных переделов. Однако она узнала их теперь, после деколлективизации. Этот пример еще раз говорит о том, что какие-то общинные константы крестьянского образа жизни действительно существуют. Но это не обязательно община с коллективным трудом на коллективных угодьях, коллективной собственностью и переделами. Поэтому я предпочел термин сельская «общность».

А главным, структурообразующим элементом в определении крестьянства мне видится семейное хозяйство. Между прочим, впервые о семейном крестьянском хозяйстве заговорили представители русской аграрной школы (А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и т.д.). С их подачи семейное крестьянское хозяйство вошло в мировую науку как особая экономическая категория. И, как я уже говорил выше, французская деревня является примером живучести семейного хозяйства. Но это далеко не единственный пример такого рода.

Т.Г. Нефедова: Семейное хозяйство, в котором используется труд наемных работников, это крестьянское хозяйство или уже нет?

А.Г.: Если их труд используется на постоянной основе и если этих человек десятки, то тогда это уже не крестьянское хозяйство. Это что-то другое. Все-таки семейное крестьянское хозяйство строится на труде членов семьи.

Несколько слов о крестьянской культуре. Дело в том, что традиционная крестьянская культура была не чисто крестьянская, она была общечеловеческая. Аграрно-календарная обрядовость, являющаяся основой крестьянской культуры от неолитических времен, доходит до XIX в., который явился почти повсеместно в Европе – от Франции до России – периодом угасания этой обрядовости. После этого она сохранялась в виде пережитков.

И, между прочим, ее исчезновение никак не было восполнено! Приходская жизнь тоже стала угасать. Происходит упадок института священства. Снижается его культурный уровень. Священники уже не могли возглавить культурную жизнь деревни. Деревня их обогнала. Авторитетность их слабела. Об этом, в частности, говорил святитель Игнатий Брянчанинов. Он едва ли не первым заметил пореформенное развитие церковного абсентеизма среди крестьян. Он говорил о том, что кутилам безразлична церковь, а некутилы уходят в раскол. Количество сект и крестьян, ушедших в раскол во второй половине XIX – начале XX вв., неуклонно росло. Официальная церковь не смогла дать новому крестьянству, которое возникало после 1861 г., духовных и нравственных ориентиров.

Д.И. Люкшин: Определение семьи как ядра крестьянского хозяйства – характерная черта подхода Т. Шанина. Согласно этому подходу, крестьянин – это мелкий сельскохозяйственный производитель, который использует свой труд и труд членов своей семьи.

А.Г.: Исходя из этого, можно сказать, что опорой крестьянского хозяйства составляют семейные отношения. При этом надо понимать, что крестьянская семья – это больше чем хозяйственные отношения, а крестьянство, в целом, – это не только совокупность хозяйствующих субъектов, не только слой сельских производителей, а особый социальный организм.

Д.И. Люкшин: Как бы Вы могли прокомментировать итоги переписи населения 2010 г., согласно которым сельское население сокращается в России в 3 раза быстрее, чем городское? Не вызывает ли это у вас настороженность?

А.Г.: У меня вызывает настороженность разрушение сельской семьи. Именно она является основой крестьянского хозяйства, крестьянского существования. Положение в этом смысле у нас катастрофическое. В Китае этот процесс также обусловлен миграцией и тем, что западные специалисты называют феминизацией сельскохозяйственного труда. Но я надеюсь на то, что инстинкт самосохранения – а крестьянство как раз обладает каким-то чисто биологическим инстинктом сохранения – позволит крестьянству сохраниться и сегодня.

Д.И. Люкшин: Кто, какие факторы, на Ваш взгляд, привели к тому катастрофическому состоянию, в котором находится современная российская деревня?

А.Г.: Конечно, то, что сказал С.Ю. Разин насчет геополитики, исключительно важно. Действительно, именно геополитические факторы во многом предопределили форсированный, мобилизационный характер развития нашего общества. Такого форсированного темпа, такой принудилки и такого уровня насилия нигде ранее не было. Безусловно, сыграла роль идея построения социализма в одной отдельно взятой стране и изоляция, в которой оказалась Советская Россия. У китайцев сегодня совершенно другая ситуация. У них сейчас «все флаги в гости», как говорится. Инвестиции приходят отовсюду.

А теперь представьте ситуацию Советской России 20-х годов, когда страна только что пережила увлечение мировой революцией, от которой, впрочем, никогда и не уходили. В 1939 г. т. Сталин заговорил, что теперь деятелем мировой революции становится Красная армия. А, с другой стороны, аннулирование царских займов, конфискация иностранной собственности, всеобъемлющая госмонополия. В общем, проблема была в том, что никто не собирался сосуществовать. Мы были исключительными. И это сыграло печальную роль в судьбе крестьянства.

Ситуация Советской России 20-х гг. сопоставима не с современным, а с маоистским Китаем. Там тоже была изоляция и попытка форсированного

развития. А Дэн ушел от конфронтации, и советская «Перестройка» способствовала провозглашенному им курсу на «открытость». Конечно, это явилось фактором, облегчившим проведение реформ в китайской деревне. Исчезла некая геополитическая или военно-политическая рамка, сковывавшая ее естественно-историческое развитие.

Полной противоположностью мобилизационному типу развития является эволюционное развитие. В этом смысле пример – Франция. Со времен Великой революции и до середины XX в., когда в национальном масштабе явился современный фермер, прошло полтора века. Вот это и есть нормальный, естественный, эволюционный процесс. Но сегодня темпы исторического развития ускоряются. И так, как жили в XIX в., так в XXI в. жить невозможно.

П.П. Марченя: Первое и второе заседания нашего семинара наглядно показывают, что столыпинская реформа и сегодня остается для России больной темой. В этой связи у меня к Вам [к А.Г.] два вопроса.

Вы сказали, что наша армия в Первой мировой войне проиграла не потому, что была не завершена модернизация, а потому, что не хватило боевого духа и было духовное разложение. С этим трудно не согласиться, но не кажется ли Вам, что именно столыпинская модель так называемой «аграрной модернизации» сыграла в этом разложении очень большую роль? Ведь она реально внесла смуту в каждый дом и посягнула на вековые устои русской деревни. Это первый вопрос.

И второй вопрос: Вы не устаете повторять тезис о том, что крестьянство – это субъект истории. Я полностью с Вами в этом солидарен. Но разве крестьянство – как субъект истории – недостаточно убедительно продемонстрировало свое негативное отношение к столыпинской реформе?

А.Г.: Это весьма спорный и до предела идеологизированный вопрос. В связи с этим приходит на ум сакраментальная фраза: «хотели как лучше, получилось как всегда». Изначальная идея была хорошей, и состояла она в том, что сами крестьяне, сами сельские сходы должны решить вопрос о форме землепользования. Но тут свою роль сыграла русская бюрократия. Громадный

бюрократический аппарат, который не понимает таких полунамеков и полутонов. Чиновнику дана инструкция всячески способствовать выходу на хутора и на отруба, и он упрямо гнет эту линию. Поэтому дело не в сути реформы, а в методах ее реализации. Да, Вы можете сказать, что крестьянство, в массе, было против и продемонстрировало это в 1917 г., когда страну захлестнул вал общинного права. Вся земля вернулась снова в общинное владение. Но все-таки еще раз повторяюсь, дело не в сути реформы, а в методах ее реализации.

Столыпин говорил о том, что для реализации реформы нужен определенный срок. Я лично думаю, что если бы дело продолжалось, то оно было бы доведено до логического конца – и все идеи, лежавшие в основе этой реформы, были бы реализованы. Община начала разлагаться не при Столыпине. Он только форсировал этот процесс. Разложение общины при товарно-денежных отношениях было неизбежно. Столыпин выбрал оптимальный путь – путь раскрепощения крестьянина от общины. Это нужно было делать. Община становилась тормозом хозяйственного развития.

Община является великолепным средством тогда, когда действует стратегия выживания, когда существует натуральное хозяйство и нужно помогать слабейшим. Община ориентирована на слабейших. Но если стоит задача хозяйственного подъема, модернизации, выхода на новые рубежи – тогда община становится тормозом. Не общинный дух и не община помогли развитию русской кооперации. А кооперация, параллельно со столыпинщиной, приобрела в России невероятный размах. Причем на первое место вышла кредитная кооперация. Это показатель высокого уровня развития товарно-денежных отношений.

На мой взгляд, не стоит вырывать столыпинщину, деятельность Петра Аркадьевича [Столыпина] из всего этого контекста, из всех изменений, происходивших в русской деревне, которые имели, в общем, благотворный характер. Они готовили почву для хозяйственного и культурного подъема крестьянства.

Но что получилось? Исторически был зафиксирован момент разрушения. И еще недостаточно было каких-то позитивных моментов, не было аккумуляции позитивных сдвигов. Я лично думаю, что если бы процесс продолжался дольше, то деревня бы перестроилась и главными действующими лицами в ней стали бы те, кого позже назовут кулаками. В сущности, так и происходило. Есть масса литературы, в которой говорится, что кулаки строили школы, библиотеки и, более того, даже ярый народник Н.Н. Златовратский признавал, что кулаки способствовали пробуждению мысли у русского крестьянина.

П.П. Марченя: Мне не кажутся достаточно убедительными попытки оправдывать очевидно негативные и откровенно дурные исторические последствия реальных действий тех или иных политиков их изначально «благими» намерениями и ссылками на недостаточность времени и неблагоприятность обстоятельств. Позитивное искусство политика как раз и заключается в умении соответствовать своему времени и конкретно-историческим обстоятельствам. «По плодам их судите их»... Конкретные реалии российской истории в XX в. таковы, что столыпинская реформа, как ни относись к личности самого Столыпина и к теоретической «конструктивности» его планов, на практике стала одним из факторов, до предела натянувших пружину всенародного недовольства – которая и «выстрелила» в 1917 г. со всей своей огромной деструктивной мощью.

В российских (как впрочем, и во всяких иных) смутах, в первую очередь виноваты не войны и прочие социальные катаклизмы – а неадекватные попытки системных преобразований со стороны самой власти, не умеющей (или не желающей) обеспечить понимание и поддержку собственного народа. И никакая идеологизированность не в состоянии отменить исторического факта XX в.: для декларировавших «любовь» к крестьянству предреволюционных и революционных, либерально-демократических властей России «крестьянский вопрос» оказался «не по зубам», и сам крестьянский демос выступил не опорой их государственных начинаний, а разрушительной антигосударственной, да и

«антидемократической» силой. А пришедшие им на смену «антикрестьянские» политические силы сумели мобилизовать крестьянский ресурс не только для захвата и удержания власти, но и (причем при еще более неблагоприятных объективных обстоятельствах) для проведения модернизации всего государства и общества России.

И пытаться объяснять этот факт лишь готовностью победивших сил к насилию, их неразборчивостью в средствах или вообще просто «историческим обманом» – не только нечестно, но и ненаучно. Причины кроются гораздо глубже, и их трезвый анализ исключительно актуален для российской публичной сферы сегодня.

С.А. Есиков: Рассматривая судьбы российского крестьянства в XX в., нельзя избежать обсуждения проблемы «Община и агротехнический прогресс». В России преобладало общинное землепользование. Пореформенная община многими современниками, да и некоторыми нынешними исследователями, относится к пережиткам сельской жизни. При этом на первый план выдвигают такие недостатки общины, как постоянные переделы, многополосица, чересполосица, господство трехполья, принудительность севооборота. Крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с большим недоверием относились к возможным нововведениям. В результате делается вывод о несовместимости общины и агротехнического прогресса. При всей своей самодостаточности и автаркичности крестьянская община не могла оставаться неизменной, не обладала она и независимостью от внешнего мира. Она должна была реагировать на внутренние процессы и на внешние факторы. Изучение эволюции крестьянского хозяйства показывает, что общинное производство в значительной степени успевало реагировать на экономические требования момента. Так, в рамках трехполья постоянно увеличивалась урожайность крестьянских полей. Приверженность к привычкам была разной. Наблюдения показывали, что, чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он относился к нововведениям. Очевидный прогресс агротехники также подтверждался более тщательной вспашкой,

прополкой, уходом за посевами; расширялись посевы трудоемких культур и т. д. Жизнь заставляла крестьянина интенсифицировать свое хозяйство, он стал больше работать. Общинное крестьянское хозяйство в значительной степени успевало реагировать на экономические требования момента, в то же время, сохраняя свои традиционные рамки. Трехпольная система полеводства могла развиваться в разных направлениях. Ситуация толкала крестьянина на единственно возможный путь выживания – путь интенсификации своего хозяйства. И он делал это в рамках существовавшей трехполки. Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была бедность крестьян, а не общинные порядки.

В.В. Бабашкин: Сегодняшний доклад – яркое подтверждение того, насколько условны любые обобщения, связанные с крестьянством и его эволюцией. Соглашусь с Д.И. Люкшиным: региональная специфика форм земледельческого труда – лишнее тому подтверждение. В этой связи мне вспоминается один из «контрольных вопросов», которыми М.Л. Левин в ходе дискуссии по его классической монографии «Российское крестьянство и Советская власть» предлагал любому исследователю крестьянских проблем все время себя атаковать. В 1941 г. ему довелось работать в колхозе им. Ворошилова под Мичуринском, представлявшим собой явное воспроизведение прежней крестьянской общины в новых советских условиях, – а рядом благополучно существовал колхоз совершенно иного типа, где колхозники вполне приспособились к новым условиям и на полную мощность включили механизмы имитации того, чего добивалась от них новая власть (Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 60). То же было и во времена столыпинской реформы. Знакомство с работами Дж. Пэллот позволяет утверждать, что консервативный потенциал общины был более мощным, чем теперь принято считать. Многие крестьяне имитировали то, чего добивалась от них местная бюрократия, они включались в соответствующие отчеты «наверх», но старались как можно меньше менять по сути. Кооперация развивалась не столько параллельно со столыпинским реформаторством, сколько в пику. Через

сельскую кооперацию община приспособлялась к рыночным отношениям. К административному нажиму со стороны реформаторов она скорее приспособлялась через «оружие слабых».

И.А. Анфертьев: В советской историографии существовал тезис, согласно которому большевики победили в гражданской войне потому, что их поддержал народ. Сейчас, особенно когда знакомишься с документами, с исследованиями, создается такое впечатление, что народ просто не мог поддержать большевиков. Ответ на этот вопрос я, совершенно случайно, нашел в политическом завещании Г.В. Плеханова. Он предсказал еще в апреле 1918 г., что крестьяне поддержат большевиков в развязанной ими гражданской войне, и объяснил, почему они их поддержат.

Это произойдет, по его мнению, потому, что большевики, отказавшись в своей программе от национализации земли и взяв на вооружение эсеровскую программу социализации земли, отдали землю крестьянам. Крестьяне понимали, что если победит Белая армия, то землю придется отдать. Оказавшись перед этим выбором, они выбрали сторону большевиков. Нет ли здесь ответа на вопрос о том, кто виноват в последующей трагической судьбе русского крестьянства? Возможно, крестьяне заплатили в 1920–30-е гг., в коллективизацию, за тот выбор, который они сделали в ходе гражданской войны?

А.Г.: Я считаю, что сам по себе вопрос: «Кто виноват?» – непродуктивен. Потому что всегда оказывается, что виновата история или виноваты все. Большевики разрубили «гордиев узел» и решились на то, на что не решались предыдущие правительства России, отдав крестьянам землю. Крестьяне попались в эту ловушку, поверили в «черный передел» и похерили* частную собственность на землю. Потом им сказали: вы же сами отказались от частной собственности. Тот удар по правовым отношениям, который был нанесен «черным переделом», оказался очень мощным. То же самое было и в Китае

* На такой формулировке настаивает докладчик. – Прим. П.М., С.Р.

после прихода к власти КПК. Сначала земельная реформа, затем коллективизация и т.д. Так что Ваш вопрос совершенно обоснованный.

А.В. Чертищев: В современных условиях Вы сторонник частной собственности на землю или национализации земли с последующей ее передачей в аренду крестьянству?

А.Г.: Прежде чем ответить на Ваш вопрос, еще раз, для сравнения, я обращусь к той ситуации, которая существует сегодня в китайской деревне. Надел у китайских крестьян полгектара. Мобилизация земли невозможна, развитие производительного хозяйства невозможно, потому что для этого, по китайским условиям, нужно по крайней мере в 10 раз больше земли. Т.е., где-то 5 га. Если нет частной собственности на землю, если крестьяне не имеют права покупать ее – шансы у них на формирование высокопроизводительного хозяйства невысоки. Хотя предпринимаются меры для укрупнения путем аренды земли, а развитие механизации (минитрактора) повысит эффективность.

Я думаю, что примерно то же самое и у нас. У нас нет полноценной частной собственности на землю. Процесс формирования фермерства уперся именно в то, что фермерам не давали хозяйничать. Процесс приобретения земли был до того затруднен, что выбивались в фермеры практически лишь те, кто обладал каким-то административным ресурсом.

А.В. Чертищев: Все-таки, по какому пути мы пойдем – национализация или приватизация земли?

А.Г.: По какому пути пойдет Россия, вопрос не ко мне. Как историк, я могу рассуждать лишь о предпочтительности. Исторически национализация земли была способом борьбы с крупным землевладением, монополизацией им земельных ресурсов. В нашей «Перестройке» выявилась другая опасность – монополизация земельных ресурсов агробюрократией. Агрохолдинги – и тут я должен согласиться с Т.Г. Нефедовой – используют землю продуктивно. А расхищению земель поспособствовала эта самая бюрократия, оказавшаяся распорядительницей важнейшего национального достояния. Кто торговал гумусом, а потом продавал обезображенную землю под садово-огородные

участки? Руководители АПК вкупе с местной администрацией. А кому обязаны нынешним опустыниванием сельхозземель? Все тем же субъектам госсобственности.

И, напротив, между крупным землевладением и сельхозпроизводителями могут складываться солидаристские отношения во взаимных интересах и на благо общества. Я как-то спросил у одного французского фермера, у которого в пользовании находилось 100 га земли, сколько из них у него в собственности? Он говорит – 30 га. – А остальные? – Остальные, – говорит, – я арендую. – Я говорю, ну, наверное, надо их тоже приватизировать? – А зачем? – переспрашивает он. – А зачем мне приватизировать? Это большие затраты. Зачем мне это нужно? Я лучше вложусь в трактора или там еще в чего-нибудь. – И действительно, – размышлял я: куда этот самый собственник денется с этой землей? Фермеров осталось – раз, два и обчелся. Так кто больше заинтересован в том, чтобы у него арендовали землю?

А.М. Никулин: Спасибо, Александр Владимирович [Гордон], за Ваше выступление. Мне представляется, что для нас ключевыми в сегодняшнем обсуждении были темы сущности крестьянства, а также альтернатив и перспектив развития крестьянства.

Что касается понимания сущности крестьянства, то я разделяю подход Т. Шанина, согласно которому при анализе крестьянства, прежде всего, необходимо рассматривать 4 элемента. Первый – это семейное хозяйство. Второй – это локальная культура. Третий – связь локального крестьянского сообщества с природой. Четвертый – это маргинальное положение крестьянства по отношению к государству. Все эти 4 составляющие были обозначены в нашем сегодняшнем обсуждении.

В свое время Дж. Скотт высказал мнение, согласно которому, главная для крестьянства проблема состоит в том, как сбежать от государства и как, таким образом, сохранить свой самобытный, крестьянский образ жизни. Ведь, как известно, крестьянство – это, прежде всего, определенный образ жизни. Образ жизни, являющийся общемировой культурной и цивилизационной ценностью.

Так или иначе, но все древние основания нашей культуры связаны с крестьянством и крестьянским образом жизни.

Конечно, сегодня численность крестьянства сокращается. Этот процесс происходит и во Франции, и в России, и в Китае. Сегодня мы заморожены ростом мегаполисов, успехами индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Но если мы посмотрим на всю мировую историю, то увидим, что процесс урбанизации может сменяться процессом рурализации. Сейчас маятник качнулся в сторону урбанизации. Но он, при определенном развитии производительных сил, может качнуться и в другую сторону. В общем, будущее покажет, как и что будет происходить. Но сама по себе ценность крестьянства безусловна, и, слава Богу, его еще достаточно.

Теперь об альтернативах. В свое время В.П. Данилов рассказывал о том, как во время «круглого стола», проходившего в одном из германских университетов, один из участников произнес сакраментальную фразу: там, где есть ОГПУ, там нет никаких альтернатив. Вот в этом соль. Дело в том, что у нас преобладает «гэпэушный» подход к собственной истории. Нам говорят: иного не дано, альтернатив нет, во имя мобилизации страны, исходя из высших геополитических интересов, мы должны сделать как лучше. В результате – получается как всегда. Главным ресурсом мобилизации у нас в стране всегда было крестьянство. И все славные победы русского оружия были достигнуты благодаря умению отмобилизовать эту громадную стомиллионную массу. И сейчас, когда нам говорят – ну, нужно проводить модернизацию, нужно то, се, и с армией у нас черт знает что... А этого надежного крестьянского ресурса уже не осталось, его умудрились во всех этих модернизационных катавасиях XX в. пустить под нож.

продолжать далее

Что касается т. Сталина, то Т. Шанин называл его «великим крестьяноборцем». И это правда! Действительно, этот человек умел выбить из крестьянства то, что ему нужно. Но даже ему это не всегда удавалось. Так, он все время говорил: если мы будем собирать 8 млрд пудов хлеба в год, то все

наши проблемы будут разрешены. Эту задачу решить не удалось. Страна долгие годы находилась на грани голода. Впрочем, даже уже после смерти Сталина стали, наконец, собирать эти заветные 8 млрд, то и тогда оказалось, сельские проблемы отнюдь не исчезли сами собой – ведь проблемы не сводятся лишь к определенному заветному бюрократическому исчислению тракторов и хлеба, кукурузы и молока.

К рассмотрению проблем крестьянства необходимо подходить с позиции признания многоукладности в сельском хозяйстве. Этот подход противостоит «огэпэушному» видению истории и позволяет поставить вопрос о необходимости признания многообразия интересов хозяйствующих субъектов и об оптимальном сочетании крупного и мелкого хозяйства. Он никогда у нас в полной мере не реализовывался. К сожалению, можно говорить о том, что он чужд политике нынешнего руководства страны, которое, часто в ущерб развитию личных подсобных хозяйств крестьян, делает ставку исключительно на агрохолдинги...

В.В. Кондрашин: «Крестьянский вопрос» в отечественной истории возникает как важнейший вопрос страны во второй половине XVIII в. в связи с крестьянской войной под предводительством Е.И. Пугачева. Он был связан с таким феноменом национальной истории как крепостное право. Кстати, первые исследования по крестьянской тематике в России историков-профессионалов были написаны именно на эту тему (В.О. Ключевского, В.И. Семевского и др.). Поэтому когда мы говорим о российской специфике рассматриваемой проблемы, то следует помнить, что Россия – это не Франция и не Китай. У нее есть свои особенности исторического развития (то же явно затянувшееся по времени крепостное право), которые должны учитываться при обращении к любой истории, в том числе истории крестьянства. Например, когда мы рассуждаем о столыпинской аграрной реформе или крестьянстве в эпоху войн и революций следует помнить, что они имели очень существенные различия в разных регионах России (в Европейской части, Сибири, Северном Кавказе, Средней Азии, Прибалтике и т.д.). А то получается, что мы как бы

искусственно создаем какой-то обобщенный, универсальный образ крестьянина, крестьянской общины, забывая о том, что в Российской империи и СССР крестьяне были еще русскими, украинцами, латышами, грузинами, поляками и проживали от Камчатки до Варшавы. Например, ряд современных украинских авторов утверждают об украинском крестьянстве как отдельном феномене, главной социальной базе украинского национализма, хотя по материалам той же махновщины хорошо видно, что для украинского селянина социальные проблемы были важнее национальных. Думается, что национальный и региональный аспекты следует учитывать в дискуссии, особенно, когда речь идет о России.

Любая теория проверяется на практике. В нашем случае она проверяется на конкретно-историческом материале, не вызывающем сомнений с точки зрения достоверности – и я бы не стал увлекаться междисциплинарностью без его глубокого и всестороннего анализа. Например, очевидно, что крестьянство является и субъектом, и объектом истории и политики, и что в разные исторические эпохи может быть разная их комбинация. Например, в начале XX в. и до окончания гражданской войны крестьянство было активным субъектом, о чем свидетельствовала крестьянская революция в России, концепцию которой разработали В.П. Данилов и Т. Шанин. В бывших районах крепостного права его не удалось выгнать из общины, несмотря на все увещевания Столыпина и административный нажим власти. В 1917 г. здесь восторжествовала община, и был осуществлен «черный передел» земли. Как активный субъект политики крестьянство проявило себя в восстаниях против политики военного коммунизма, заставив большевиков отказаться от нее. Причем в их ходе они «сами вели себя», а не шли под воздействием эсеров, анархистов, агентов белых армий. У них была своя политическая программа, хотя и не оформленная формально, свои организационные формы, своя идеология. То есть, крестьянство наступало на власть.

А что было дальше при НЭПе? Думается, что все по-другому. Наоборот, власть наступала на крестьянство и, в конце концов, действительно, сделало его

объектом истории, а не субъектом, если вспомнить историю колхозной советской деревни. Разве сельские жители совершили «Перестройку», развал колхозов и т.д.? Это сделала власть. Поэтому, на наш взгляд, актуальным остается дальнейшее исследование проблемы крестьянство и власть в России на различных этапах ее истории.

Что касается изучения проблемы в контексте геополитики, то, мне кажется, что здесь подходы авторов дискуссии определяются, прежде всего, их идеологическими симпатиями. Все-таки пора отказаться от ярлыков и ярких образов первого постперестроечного периода в истории современной России (типа крестьянство – «пушечное мясо национального милитаризма» и т.п.). Так же не может быть «гэпэушного подхода к истории». Он может быть или научный или антинаучный (в том числе, конъюнктурный на злобу дня, по принципу «чего изволите»). А самое главное он должен основываться на понятной всем достоверной источниковой базе. И здесь мне ближе позиция С.Ю. Разина, который в очередной раз говорит об особенностях проходившей в России в XX в. модернизации в условиях войн за счет внутренних ресурсов, каковым было крестьянство.

* * *

Таким образом, состоявшая дискуссия, по мнению организаторов и участников семинара, нуждается в продолжении и развитии. И следующее, третье заседание постоянно действующего теоретического семинара «*Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории*» Центра аграрных исследований РАНХиГС и научного проекта «Народ и Власть: история России и ее фальсификации») было решено посвятить проблеме «*Сталинизм и крестьянство*».

Примечания

¹ См.: Марченя П.П., Разин С.Ю. Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219. Подробнее см.: Марченя П.П.,

Разин С.Ю. Крестьянский вопрос – фактор российских реформ и революций // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 11. С. 29–44.